

Любовь Мороз

Нас нет

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Любовь Мороз

Нас нет

<https://litres.ru/66577108>

SelfPub; 2021

Аннотация

... Порой ему казалось, что он живёт в кошмарном сне. Что стоит лишь проснуться, и всё будет хорошо. И он спасёт её, спасёт от неё самой.

... Порой ей казалось, что надо покрепче закрыть глаза и уснуть. И проснуться без мыслей о разрушении всего вокруг. Он был её маяком, светившим сквозь туман. Она стала якорем, тянувшим его на дно.

... Временами бывает так тяжело и больно, что кажется - хуже просто невозможно. И впереди будет свет. Но пока мы во мраке. Нас нет.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
Натали	8
Алекс	14
Натали	16
Алекс	18
Натали	29
Алекс	32
Натали	35
Алекс	39
Натали	42
Алекс	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Любовь Мороз

Нас нет

Предисловие

Наконец вырвавшись из цепких лап рутины и учебы, я вернулся домой. Здесь ничего не изменилось. Дом, который построил Алекс. Ну почти. На мои же деньги. И я немного его спроектировал. Самую малость. К примеру, добавил еще один этаж, сбоку пристройку, небольшой зимний сад, которым занимался сам.

На дворе лето, июль оказался еще жарче июня. Кстати, прошлый месяц я еще мог чувствовать себя свободным, но Ника как всегда настойчива. Отказать ей никогда не мог. Все-таки она не отказалась от меня, когда следовало это сделать.

Навстречу мне из дома выбежал любимый племянник Руслан, ему всего 12, когда мне 17. Разница между нами не существенная, хотя иногда кажется очень даже значимой. Особенно когда мы гуляем вместе большой компанией. Я по натуре не очень схожусь с людьми, а вокруг Руслана всегда верные друзья. Вот и сейчас за ним потянулась вереница друзей: Женя, Лёша, Егор, Оксана, Саша, две девчонки в их шумной компании. Иногда я словно воспитатель в школе.

– О, Алекс, ты приехал! Надолго? – приветствовал меня хор голосов.

– Привет, пока на лето, а дальше посмотрим. Сам знаешь, Ника и Дима хотят, чтобы я учился.

– О, да. Ладно, мы погнали на озеро. Хочешь с нами? – позвал Руслан.

– Я позже. Потом, – вру я и прохожу в дом. В нем прохладно и темно, после яркого солнечного дня. Несколько раз моргнул и приноровился в окружающему полумраку.

Дома.

Знакомый и любимый запах духов окутал меня. Как всегда, заранее знаю о ее появлении. И когда ее руки обвивают мою шею, я улыбаюсь.

– Я уж думала, не дождусь возвращения Принца домой. Не слишком ты и спешил.

– Прости, Ника. Хотелось немного глотка свободы. Я поступил, между прочим. Все как ты хотела.

– Как мы хотели, – уточняет Ника и притягивает меня к себе. Я не могу ей сопротивляться, да и никогда не хотел. Мне всего 17, а ей 28, и она самая красивая женщина, что я либо когда-то видел.

Наши губы встречаются для поцелуя и целуясь, мы на краткий момент времени становимся единым целым. Об этих отношениях не знает никто, и надеюсь где-то в глубине души, не узнает никто.

Не потому что Ника замужем, не потому что у нее трое

детей. А потому что даже сейчас, в свои полные, гормонов года, я понимаю, насколько происходящее неправильно. Насколько подобные отношения отравят жизнь не только мою, ее и окружающих. Насколько они противоестественные и искусственные. Неправильные и разрушающие. А все потому что Ника моя сводная сестра.

На озеро я, действительно иду чуть позже, когда там становится меньше народу, еще в состоянии соображать. Вода как парное молоко, мягко обволакивает тело, даря долгожданную прохладу. Передо мной две дороги и одну из одних я уже выбрал. Лето пройдет, и я уеду учиться. Денег мне хватит на учебу, общежитие и на жизнь вдали от дома, ни в чем себе не отказывая.

И я буду скучать. Скучать по лесному озеру, по его прохладе. Буду скучать по дому, по племянникам, по друзьям, по Нике.

Кстати, о ней. Отношения с девушками не складывались, потому что я никого не хотел видеть, кроме нее.

Мы встретились, когда наша мама умерла, меня несовершеннолетнего деть некуда было, а Ника замужем, вроде состоятельная дама. И я достался ее семье.

Дмитрий ее муж, старше моей сестры на 25 лет, изначально показался малость суровым. Я никак не мог понять, как такая девушка как она могла выйти за него замуж и прижить вместе двоих детей? Племянники Руслан и Людмила, конеч-

но дороги моему сердцу, но понять сестру в этом вопросе не могу. Она безумно красивая и у нее такой заразительный смех.

Больше всего я люблю, когда она смеется. С годами, правда он звучит все реже. Все грустнее и вымучен ей.

Она несчастлива в браке. И для этого не надо быть семи пядей во лбу. Нет, Дмитрий любит ее, обожает в буквальном смысле этого слова. Но ему вот уже 53 года. А ей всего 28.

Она мало рассказывает о себе. Мама наша, кстати тоже была старше отца, намного. Они погибли в ДТП, разом сделав меня сиротой. Долгие годы я не мог прийти в себя после их смерти. Во Франции ничего не осталось, кроме бизнеса отца, которым сейчас вполне успешно управляли и перечисляли деньги Королевым. Я, между прочим Александр Королев, не стал оставлять фамилию отца, потому что как никогда мне хотелось принадлежать этой семье.

Немного искупавшись, пару раз поныряв, я вернулся домой той же дорогой.

Будущее предстало передо мной светлым, радостным и кто знал, что этот вечер навсегда его перевернет.

Натали

Один писатель как-то сказал, влюбляться это, как падать в пропасть. И он прав. Чертовски прав. По крайней мере сейчас смотря в эти бескрайние синие глаза, я падаю и падаю, отчаянно лечу в пропасть. И мне не страшно. Больше никогда не будет страшно. Пока я в плену этих синих глаз, все будет хорошо.

Напиться на студенческой вечеринке не самая лучшая идея. Равно как и заснуть на плече незнакомого парня, предварительно облевав его в головы до ног. Я всегда много пью, практически не знаю меры. Как и во всем. Будь-то выпивка, сигареты, чтение, музыка, учеба, парни. Не знаю меры.

Люди, говоря обо мне, всегда упоминают мою жажду жизни. Я выпиваю ее до дна, ведь совершенно пустая внутри. Мне нечем запомнить пустоту внутри. Оттуда все и проблемы.

Я не знаю парня, у которого оказалась в постели. Ничего страшного не произошло, непоправимого имею в виду. И дело тут не в моей невинности, ее пора давно прошла. Невинность в его случае оказалась проблемой. И кто бы знал, что человек умеющий целоваться, на деле мало осведомлен о пестиках и тычинках. Могла бы ему помочь, но к сожалению, тут меня и накрыло фонтаном.

Теперь утром я отчаянно стараюсь слинять из его теплых

и признаться честно, уютных объятий. Прищурившись, начинаю его рассматривать. Хорош. В меру накачан, те самые венки на руках, которые я всегда отмечаю. Длинные пальцы, высокие скулы, черные волосы. Знать бы как его звать.

Подобные приключения не в новинку. Обычно я тихо сваливаю, не оставив никаких следов, в том числе номеров телефонов, адресов, имен, забытых вещей. Отрубаю ниточки, способные привести ко мне. Не потому что не хочется, чтобы меня нашли. Нет. Я боюсь, что и искать никто не будет. Забираю надежду у самой себя.

Мне кажется, честнее по отношению к себе. Перед собой не должно быть никаких секретов.

Невольно начинаю разглядывать парня. Во сне он милый как пятилетний малыш. Слишком трогательный.

Не в моих планах заводить отношения. Ни за что. Тем более со странным парнем. Отсутствие татуировок, пирсинга, кожаной одежды, гитары: это минусы. Я западаю на плохих мальчиков, а не на тех, кто носит рубашечки и брючки. Фу.

Интересно, что там у него под одеялом? Может я тогда разрешу ему принести кофе, если дело того стоит.

Стоит.

И на ощупь, и на вид. Только упаковка... Его парашюты не возбуждают аппетита. Думаю, мальчик вполне может рассчитывать на завтрак, если снимет с себя это убожество.

Он, наверное, из богатой семьи. Обстановка хоть и студенческая, вполне себе ничего. Конечно, не к такому я при-

выкла. Аккуратно разложенные вещи, кипы книг, ни пылинок, ни соринки.

Мальчик зашевелился и открыл сонные глаза. И наконец стал похож не на мимишного котенка.

– Привет. Как спаслось?

– Я хочу кофе. Пью черный, без всяких там добавок. И без сахара, – повелительно протягиваю я, медленно потягиваясь.

– Я тоже. Кухня направо по коридору. Кофе растворимый. Я в душ.

От нескрываемой наглости в его голосе я немею. Это что сейчас было? Я в жизни никому не делала кофе и не собираюсь.

– Да, чистая футболка и штаны в комод, второй ящик сверху, – добавляет наглец и исчезает в дверном проеме. Не до конца понимаю, что намерена делать, как уже встаю и подхожу к черному комоду и выдвигаю ящик. Даже здесь аккуратно сложены футболки, преимущественного черного цвета. Мрачно. Шарюсь по комоду, намеренно наводя беспорядок: где то складочку, где то откровенно ворошу.

Не люблю порядок. Быстро натягиваю чужую футболку. И иду искать кухню. Парень не обманул, за поворотом меня ждала такая же вылизанная кухня. Интересно, он хоть что-то делает не как робот? Ах, да. Целуется он не как машина. Это скорее всего плюс, ведь минусов он уже достаточно заработал.

Вот кружки, растворимый кофе, а это еще один минус.

В холодильнике нахожу молоко, в шкафчике сахар. Больше растворимого кофе, я не люблю растворимый кофе без молока.

Парень появляется с мокрой головой после душа, когда я уже приканчиваю вторую чашку. Он смущенно улыбается, хватая кружку с остывшим кофе и садится на высокий стул.

Мы молча пьем кофе, внимательно наблюдая за друг другом.

– Скажешь, как тебя зовут? – прерывает эксперимент парень.

– Проблемы с именами? Кажется, ночью я его называла.

– Первый раз слышу такое имя: бээээ, могу я звать тебя как-то по-другому?

Думаю, надуться и против воли улыбка лезет на рот:

– Меня зовут Натали. А тебя?

– Алекс.

– Алекс, – повторяю имя, пробуя его сочетание.

– Ага, – отвечает Алекс, продолжая пить кофе большими глотками.

Я знаю сто и одни раз испортить себе жизнь. Равно как и другим. И почему сейчас мне не хочется ни хамить, ни грубить, ни сыпать оскорблениями? Не знаю. Надо подумать об этом потом. Не первый раз я напиваюсь на подобной вечеринке, интересно каким ветром занесло его туда? Его хорошего мальчика? У таких как он все всегда ок. Хорошая семья. Любящая. Наверняка полно родни, которым действи-

тельно не наплевать на него. По его виду никогда не скажешь, есть ли у него проблемы с алкоголем или наркотиками. С чем у него нет проблем, так с деньгами. Богатый. Хороший. И я.

Не люблю хвататься, но в свои 19 лет на мне негде ставить клеймо. Оно повсюду, на каждом отрезке моего тела. Плохая дочь, не подающая больших надежд. Не подающая вообще никаких надежд. Два года реабилитации. И я снова пью. Хотя бы не жру всякую дрянь и на том спасибо.

До этого еще нужно дотянуться не кончиками пальцев, загребать нужно полной ладонью.

Моя сестра Сара полная мне противоположность. Красавица, а я младшая в довесок...

Непутевая. Недотепа. Исчадие. Количество моих половых партнеров? О, я боюсь сбиться со счета. Чаше я вообще не понимаю, что и как они со мной делают. И если честно мне все равно.

Хуже не будет.

Внезапно я замечаю на левой руке парня еле заметный шрам и втайне радуюсь. Он означает лишь одно. Он не такой хороший и я нашла родственную душу.

– Денег у меня нет, если что. Если ты хочешь вознаграждение за свои услуги, ну за платье и за кофе, и за ночлег, я готова. Но о большем не проси, а то меня опять вырвет, – я опускаюсь на колени, и он тут же как ошпаренный шарахается от меня.

Приехали.

– О, полегче. Знаешь, не обязательно. Правда, Ната.

– Фу. Назовёшь меня еще раз так, оскорбишь еще больше.

– Отвезти тебя домой?

– Нет. Можно я останусь с тобой?

Уставился. Чего, спрашивается? Представляю, кого он видит перед собой. Стремную девку в мужских шмотках.

В своих шмотках. От меня несет как от помойки. Еле стою на ногах.

Не знаю, почему он не указал на дверь? Может, это типа помощи бездомному? Благотворительная акция?

Ладно, на сегодня это устраивает.

Алекс

Странная девушка остается у меня на целый месяц. Мы засыпаем вместе на одной кровати, и я ничего о ней не знаю. Периодически она пытается что-то сказать и в отчаянии закрывает себе рот руками. Она то плачет, то смеется, то настойчиво предлагает заняться сексом. А я не хочу. Шрамы остаются на месте как напоминание. Я тоже много пью и тоже не хочу ничего говорить. На учебу я забил. Все равно догоню.

Она звонит каждый день. Бесконечно извиняется. И, наверное, искреннее.

Проблема лишь в том, что я не прощу себя. И не смотря на всю мою любовь к ней, не могу жить как будто ничего не случилось. Я если не на краю, то уже совсем-совсем близко. Все чаще и чаще ловлю себя на мысли, что снова думаю об этом.

Есть великое множество покончить с собой. Таблетки, фен, машина, провода, осколки, ножи, бритвы.

И мне не сделать всего этого из-за этой девчонки. Она пьет наравне, хохочет во все горло, почти каждый вечер мы танцуем, забыв о соседях. Ей нравятся русские исполнители, пытается подпевать и это выглядит до чертиков смешно.

Чаще всего мы выходим на улицу по ночам, в ближайший магазин за очередной бутылкой. Иногда лежим на скамей-

ках в парке. И хотя физическая близость все равно приносит боль, мы держимся за руки. Иногда кажется, я ей необходимее, чем она мне. В другие дни кажется наоборот.

У нас на двоих ничего не осталось. Мы оба предпочли медленно убивать себя, чем попытаться примириться с окружающими миром. Встать с колен невозможно, когда ты уже упал и валяешься.

Однажды вечером, мы сидим на самом краю крыши, свесив ноги вниз. В руках у обоих по бутылке, в другой неизменная сигарета. Никому из нас не охота разговаривать о причине, по которой мы оба сидим здесь. Нет. Мы болтаем о всякой ерунде, о звездах, о выпивке, о городе в целом. О любимых цветах, о книгах. Спорим, хохочем над шутками и никогда больше я не казался себе таким остроумным как в тот вечер. Все идет хорошо, пока Натали не начинает соскальживать вниз, а я... Я слишком пьяный, чтобы удержать её и поднять. Она падает и другого выбора как упасть вслед за ней в голову не приходит.

Так я и знакомлюсь с ее отцом.

Натали

Хуже не придумаешь. Сломала ключицу. Неудачно свалилась с крыши и упала на чей-то балкон. Алексу повезло меньше, он сломал ногу, потому что пролетел ниже. Какого черта он вообще отправился вслед за мной? Мог спокойно допить и пойти вниз или домой, или куда ему хочется.

Разумеется, врачи должны были связаться с кем-то из родни. Отец сразу же бросил свои сверх-важные-важнее-старшей-дочери дела и примчался. Меня тут все знают, я свой человек. Пациент, стабильно попадавший сюда раз в месяц.

Местная знаменитость.

Это все я.

Отец грустно смотрит на меня, избегая встречаться взглядами. Тяжко вздыхает на пояснения врача. Ясно дело, меня ждет вновь реабилитационный центр. Ладно, соглашусь. Но попрошу в напарники Алекса. С ним веселее.

А папочке уладить это не доставит сложности.

Милая сестра тоже приходит. Щебечет, поглядывая на лежащего в противоположной стороне Алекса. Эй, это мой парень! Я первая его застолбила. Он прыгнул за мной.

Я могла высказать свои претензии сестре. Но не стала, мы не разговариваем. Она меня презирает, мисс совершенство и толстая задница. Ненавидит за проявления слабости. Ну и фиг с ней. На самом деле это я не разговариваю с ней, но

это уже мелочи. Важнее мне сейчас оказаться рядом со своим единственным другом, сделавший для меня необычный поступок.

У меня никогда не было друзей. Я не умею дружить. Равно как и любить.

Прошу отца об услуге. Он кажется рад моем согласию на центр. Правда, напрягается при условии. Недолго сопротивляется. В конце концов мы оба получаем то, что хотим. Я Алекса, папа хорошую и послушную дочь.

Алекс

В центре хорошо. Моя нога почти зажила, но костыли все еще при мне. У нас отдельные палаты, что не мешает оставаться у друг друга с ночевкой. Я не реагирую на сеансы психолога, равно как и на терапию. Они лечат нас от алкоголизма, меня в первый раз, мою Натали в пятый. Не она рассказывала. Ее отец.

Он мне понравился. Взрослый и рассудительный человек, любящий свою дочь. Пьер, так его зовут, долго разговаривал со мной, не задавая вопросов. Он рассказывал про Натали и кажется, ему это было нужнее. Из меня замечательный слушатель, а главное молчаливый.

Под конец он взял с меня обещание больше не гулять по крышам.

– Я не знаю, что побуждает вас обоих себя убивать. Надеюсь, причина уважительная. Хотя этого мне не понять. Я плохой отец, раз не понимаю отчего моему ребенку, так мучительно и больно просто жить, дышать в этом мире. Я не понимаю, пусть и пытаюсь понять. Если Вы молодой человек, Когда-нибудь сможете добиться большего в понимании поступков Натали, пожалуйста сделайте все, чтобы она в этот момент была счастлива. Поймите ее, раз никто из нас не может.

– С чего Вы решили, будто я могу?

– У вас обоих та же пустота внутри. Тоже отчаяние, те же счета с миром. Я смог жить дальше, не подумав каково моему ребенку. Вы не знаете, конечно причин. Её мать покончила с собой. Натали все видела и провела с ней три дня, когда наконец я соизволил вернуться домой. Три дня девочка провела в крови и с телом несчастной матери. Я думал, она слишком молода и быстро забудет.

– Сколько ей было?

– Пять. Она не говорила после этого столько же времени. Потом в 13 начался вот этот кошмар, который никогда не закончится.

– Мне очень жаль. Правда. Я могу пообещать лишь одно, я буду рядом. Не буду обещать помешать ей или заставить жить. Я просто буду рядом.

– Спасибо.

Грузный человек ушел, оставив меня в сомнения и размышлениях. Не из-за обещания я поехал в этот центр. Я сам хотел. У меня нет в жизни определенного места, где я мог значить что-то. Где я мог помочь. Не себе, так кому-то. Я всегда знал, чувствовал на ней печать обреченности. И как в первый раз предпочитал ее не замечать, так и в последний. Первый раз я воспользовался особыми чувствами между нами, а в последний раз даже любви оказалось недостаточно...

Занятное лечение здесь. Разговоры, таблетки, снова разговоры. Даже бассейн есть. Есть тренажерный зал, сауна. Санаторий, а не реабилитационный центр.

Мы гуляем по саду с Натали, она кажется еще чувствует вину за мою сломанную конечность. Я продолжаю игнорировать ее извинения. Во-первых, я сделал это сам. Сам прыгнул. Во-вторых, почему я это сделал. Не знаю.

Приветы из России приходят часто и после них я вновь вижу плохие сны. Мне следует вскрыть, наконец нарыв на душе. Но не психологу.

Я хочу открыться ей. Она в состоянии вскрыть мне душу и выслушать меня.

Пару дней я тренируюсь. Не могу начать разговор. Эй, ты знаешь, я спал с сестрой. Вернее, она меня принудила к этому и... Я не могу признаться самому себе. О чем я думаю? Натали и слушать не станет меня. Я отвратителен. Ненормальный.

Палаты здесь убирают по два раза утром и вечером, наши обе палаты приходится убирать чаще. Натали умудряется загрязнить обе почти одновременно.

Ей психолог помогает больше. Перестала подводить глаза черной подводкой и без тонны косметики она кажется заметно моложе. Оказывается, ей столько же как мне. Девятнадцать.

Девятнадцать. Хорошее число.

– Я увижу тебя когда-нибудь в платье?

– А я тебя?

– Мне не пойдет. Знаешь, плечи слишком покатые, да и ноги кривоватые.

– Наоборот кривые ноги не прячут в брюках. При чем тут платья, кстати?

– Просто. Никогда не видел тебя в платье, не включая тот вечер, когда мы познакомились.

– Я тебя тоже. Но не кичусь этим и не давлю. Подумай над этим.

Она бросает в меня едой с подноса: кусочки хлеба летят в разные стороны. Прячу улыбку и отвечаю ей тем же. Похоже, бросание чем-то в друг друга становится еще одной традицией между нами. Приятно заводить традиции.

Не смотря на избежание любого физического контакта Натали каждое утро приходит первой ко мне в палату, закидывает ноги на меня и красит ногти. Бывает свои, бывает и мои, пока я сплю.

Она сушит волосы феном в моей палате, лузгает семечки тоже здесь. Ей нравится создавать вокруг нас маленький хаос. Нравится мусорить, от этого кажется ей становится намного веселее. Я забил на внешний вид, стал отращивать волосы и перестал бриться.

– Мне может тоже перестать брить ноги? Отращу и заплету косички. Что скажешь?

– Нат, чем ты планируешь заняться, когда мы отсюда выйдем?

– Хороший вопрос. Буду пить беспробудно. А ты? Есть идеи?

– Хочу поступить на другое отделение. Сюда я больше не

вернусь.

Натали хмыкнула, сосредоточено разглядывая стену:

– Ты хочешь стать нормальным, да? Притвориться, что у тебя все супер и стать чуточку спокойнее для окружающих? Не предоставлять проблем.

– Нет. Я не хочу больше делать себе больно. Мне надоело. Давай найдем себе другое занятие. Какое хочешь.

– Давай покончим с собой. Вместе. Нажремся кучу таблеток, заберемся в ванную и вскроем себе вены. Ты мне, я тебе.

– Давай, – отчего-то соглашаюсь я и почему-то улыбаюсь.

Она улыбается в ответ, зная я победил. Можно бесконечно спорить с друг другом и возможно она этого и хотела. Хотела, чтобы я спорил, убеждал ее жить, ведь жизнь так прекрасна. Проблема лишь в том, что мы словно созданы из одного материала, мы разговаривали без слов.

Она заставила меня это сделать. Сидя в наполненной горячей ванне, в неизменных джинсах и черной футболке я держу в руках лезвие и провожу по ее тонким запястьям. Натали чудесно выглядит в нарядном платье и чулках. Я отчаянно не хотел бы находиться бы здесь, но эта девушка прекрасно умеет манипулировать мной. Ей нужно доказательство. Доказательство моей безграничной преданности. Безграничного доверия. Убеждения в том, что я никогда и ни при каких обстоятельствах не брошу ее, буду рядом, чтобы она не сделала и смирюсь с ее любым выбором.

Я вздрагиваю и прикусываю нижнюю губу, когда ее лезвие вонзается в мое левое запястье. Мы все делаем не по правилам. Так не кончают с собой. Режут вдоль, а не поперек. В данный момент это больше театральное представление, чем сведение счетов с жизнью.

Когда губы девушки озаряет улыбка, счастливая улыбка, я тоже улыбаюсь. Мы оба абсолютно трезвые, больше того оба понимаем, ничего отныне не будет иначе. Обмен кровью и несколько коротких поцелуев превратили ненормальную игру в детскую забаву.

У нас до сих пор не случилось физической близости, никто из нас не готов к этому. Она раньше занималась сексом из чувства скуки и не предавала этому большого значения, теперь ее мировоззрение изменилось. Теперь она стала понимать и давать оценку своим поступкам. Что до меня, я почти принял свое существование в этом мире и пока не хотел торопиться. Секс между нами не представляем. Пока.

Эти антидепрессанты, как бы Натали их не ругала, все же действуют. Наверное, из-за них мы спокойно вылезаем из ванны, помогая друг другу и перевязываем запястья. Потом оба смотрим как вода, слегка розоватая от крови утекает в слив.

– Как ты думаешь, может нам сделать тату в честь этого события? – спрашивает Натали, и я смеюсь, привлекая ее к себе. Она сомневается лишь мгновение и обвивает меня руками в ответ.

– Я чувствую себя из племени Майя. Жертвоприношение и все такое. После сегодняшнего нас точно не выпишут.

– Плевать. Выпишут. Ты станешь строить свои шалашики из бумаги и нам все простят.

Не простили. Более того, хотя все думают, что мы свели все усилия на нет, это не так. Натали становилась другой. Это психотерапевт отметил. Я же думал о том, что она может обвести все вокруг пальца, кроме меня. Доверие. Вот что беспокоило нас обоих.

У нас не совпадали диагнозы, у нее подозрение на нимфоманию как дополнительный, а у меня сексуальная аверсия. На двоих лишь расстройство адаптации и алкоголизм. Забавно, когда пытаются найти оправдание твоим поступкам и поведению. Вдвоем мы посмеялись над диагнозами. Мы не знаем себя, откуда мозгоправам их знать?

В качестве терапии мне предложили позвонить сестре. Я целый день слонялся по больнице, не решаясь на этот шаг. Терять нечего, кроме душевного спокойствия. Любил ли я ее? Не переходила ли моя любовь на сегодня грани и рамки? Я не хотел ненавидеть ее, никогда не желал ничего плохого. Но она сломала меня. Сломала, играя. Испортила. Пройдет немного времени, года, прежде чем я смогу спокойно разговаривать с ней, не стремясь напомнить о том, что она сделала со мной. Я наверное и не смогу признаться самому себе. Этот период в моей жизни всегда будет за закрытой дверью,

в самой глубине темного ящика в душе. Я задушу остатки пагубного чувства в себе и никогда больше не открою, выброшу ключ.

Мой психотерапевт, хороший, кстати мужик, говорит о том, что ничего противоестественного не случилось. Оральный секс есть секс. Он приводил множество примеров в истории мира, когда подобное случалось между двумя родными людьми.

Например, Байрон, Эйнштейн, Дарвин. Легче от перечислений знаменитых фамилий не становилось. Здоровому человеку навряд ли подобное придет в голову спать с сестрой. Пусть это было почти и одна попытка и после произошедшего я позорно сбежал. Мне стоило остаться и попробовать объяснить свое поведение, но я струсил. Одно дело любить сестру как полагается, другое ее желать. Мне не примириться с последним. И благодаря настрою психотерапевта я все же ей звоню.

– Привет, Ника.

Между прочим, ее полное имя Вероника. Я всегда звал ее Ника, равно как и она звала всегда сокращенно. Никаких там Саш.

Я вообще не знаю, когда меня так звали в последний раз. Может, при рождении. Или пока живы были родители. Разговор между нами не клеился. Она хотела знать где я, что делаю. Даже на расстоянии тысячи километров она пыталась вновь взять меня под контроль.

Я всегда был ее послушным мальчиком. Теперь она разговаривала со мной как с провинившимся малышом. Звала домой.

Довольно грубо прервал ее излияния о том, как ей тоскливо и скучно без меня. Возможно, она говорила правду. И возможно сама в нее верила.

Я знаю, что схлестнуло нас вместе.

Ее одиночество в браке. Колоссальная разница не только в возрасте, а в мировоззрении, во вкусах. Она продала молодость в обмен на благополучие. Красоту на возможность не нуждаться. Она плохо жила, бедно. И знала цену деньгам. Ника никогда не говорила о том, как они с Димой познакомились. Смотря на нее, еще удивительно красивую после рождения трех детей, я видел в ней ту девчонку 17 лет. Она никуда не делась. Выросла. Взросление всегда дается тяжело. Мечта может сбыться, а может и нет. И иногда за ее осуществление мы платим слишком много. Цена непосильна, но мы все равно протягиваем руку.

Я помню наши длинные вечера вместе. Она казалась необыкновенной хрупкой в то время. Бесконечно грустные глаза, полные отчаяния. Ника много пила, я составлял ей компанию. Мне было 17, довольно романтический возраст. Чаще всего я мнил себя рыцарем, особенно когда не давал ей допить бутылку до конца.

Между нами не существовало тайн, я мог разбудить ее среди ночи и предложить выйти покурить, и она всегда шла.

Курить, кстати я научился от нее. Она курила такие противные ментоловые сигареты, помогала с уроками. Благодаря ей я никогда не чувствовал себя одиноким или ненужным после смерти родителей. Ника выполняла роль старшей и понимающей сестры на отлично. Я знал о ее желании писать, публиковаться и втайне от нее отправил ее первую рукопись в издательство. Она тогда жутко надулась на меня. У нас были прекрасные отношения, пока она все не испортила.

Да, я отдаю себе отчет в том, что сам виноват не меньше. Мы слишком похожи с ней. Не только внешне, разумеется. Хотя и внешне похожи. Все, что во мне есть от нее. Жажда знаний, любовь к классической музыке, курение, привычка копаться в себе. Пить она тоже меня научила. Я бы мог быть ее братом-близнецом. Но проблема в том, что я не смог поддерживать ее во всем. Ника не любила Диму тогда, как я испытывал к нему уважение. Она не любила своих детей, равно как я любил их всем сердцем. Она хорошая мать, правда. Но дети нуждаются в любви. И когда-нибудь проблемы в этой части поползут вверх.

Я ей говорил об этом, она, смеясь, заявляла, что я единственный ребенок, который ей дорог. Ника умудрялась постоянно изменять Диме, стремясь заполнить хоть кем-то пустоту в душе. Знаю, она относилась к изменам легко, считая это естественным отправлением организма. Единственным разом, когда я видел ее боль, была та злополучная беременность после Руслана и Милы. Очередного ее любовника я в

глаза не видел, думаю это вообще был случайный парень, как часто с ней случалось.

Стоило кому-то показать интерес к ней и у Ники срывало крышу. Ей нравилось считать себя самой нужной, необходимой. Лично мне не хотелось, чтобы о ее приключениях стало известно Диме, поэтому я прикрывал сестру как мог. Стоит ли упоминать о том, что племянники часто оставались дома одни?

Натали

Я вижу связь между нами. Она тонкой и крепкой нитью обвязала нас обоих. От сердца к сердцу. Я порой веду себя как ребенок, как своенравный и капризный ребенок и он. Он серьезный и без определенной цели в жизни. Мы оба потерянные и глупые взрослые.

Сегодня я спросила его, хочет ли он продолжать оставаться рядом со мной. Он задумчиво пожал плечами и запустил руку в волосы. Вопрос застал его врасплох. Раньше я не задавала подобных вопросов, поскольку сама не знала, хочу ли этого. Я точно не хотела больше пить. И не хотела сюда возвращаться.

А чего хотел он?

Мы вернулись к этому вопросу через пару дней. Алекс не ожидал моей настойчивости. Думается, он размышлял над этим. Он хотел учиться дальше, хотел, чтобы я вернулась домой. И даже если бы он не настаивал, я вернулась.

Нас выписали обоих в одни и тот же день. Мне не хотелось отпускать его от себя, поэтому, когда за нами приехала Сара, я втащила его в салон машины и мы поехали к нам домой.

Мама умерла, и мы давно переехали в другой дом. Алекс немного настороженно вылез из машины. Наверное, дом подобных размеров вызывает эмоции. Трехэтажный огромный дом. Зачем он нам на семью из трёх человек? Чтобы не ви-

даться месяцами, а то и годами.

– Я могу поехать домой? – типичный вопрос Алекса.

– Нет. Не можешь. Я тебя приглашаю пожить здесь.

– Мечта бездомного? О, Боже, она сбылась! Чем занимается твой отец?

– Узнаешь, – отвечаю с лукавой улыбкой. Я не сдамся так просто. Не рассчитывай.

На удивление Алекс прекрасно вписывается в нашу жизнь. Он поладил с отцом, что само по себе удивительно. Мой отец очень добрый. На самом деле. Он всегда мечтал о сыне. Разумеется, он любил нас. Сложно не любить двух малышей. Сложно поверить в том, что дети растут и превращаются в весьма неудобных взрослых.

С Сарой, моей старшей сестрой Алекс тоже нашел быстро общий язык. Она кошкой вилась вокруг него. Я не собиралась делиться.

Алекс вернулся в университет, перейдя на другой поток. В этом есть влияние моего драгоценного отца. У него своя фирма, он строит дома или что-то подобное. Он сказал, Алекс вполне может рассчитывать на место в его фирме.

Мы редко проводили время вместе. Алекс занят учебой, работой в фирме отца. Я вижу его вечером, целиком погруженного в чертежи, схемы, вычисления... Он забавно морщит нос и слегка покусывает кончик карандаша. Я засмотрелась на него и он перехватив мой взгляд, просто улыбнулся.

Так умеет улыбаться только он, в момент растягивания губ, земля уходит из-под ног, превращающихся в желе.

Я тоже вернулась к работе. Она на удивление у меня есть. Маленькое хобби. Я люблю сниматься. У меня небольшое портфолио, если честно. Модель я весьма посредственная. И это скорее всего для собственного успокоения.

Папа всегда поддерживал мои начинания. Не знаю, дело ли в невероятном и слепом чувстве гордости или еще в чем-то другом, особо гордится нечем, учитывая прошлое.

У нас никогда не было доверия. Я пряталась от всех. Ограждала себя занавесками. И почему-то лишь мальчику с синими глазами удалось заглянуть за них и увидеть меня настоящую.

Мы мало проводили времени вместе. И несмотря на это отчаянно скучали друг по другу. Это заметно по легким дрожаниям пальцев, я часто скрещивала ноги вместе, вонзала ногти в бедра, стремясь не смотреть на него. На него непременно сексуального, в рубашках, в узких джинсах. Любила ли я его уже тогда?

Я влюбилась в него, когда только увидела, заглянула в бесконечную глубину синих глаз и нашла там себя. Нашла свое отражение. Знаю, точно знаю, я никогда не стану для него чужой. Потому что мы одинаковы.

Алекс

Ей Богу, не уверен, что ей понравится эта идея. К слову сказать, я проектировал наш дом почти полмесяца, прежде чем показал кому-нибудь.

Дом выходил небольшим, достаточно вместительным. Два этажа, огромная лоджия, гардеробная для нее и кабинет для меня. Интересно, способны ли мы на что-то большее? Мы оба?

Пьеру макет понравился. Он исправил пару ошибок. Конечно, я самонадеян. А кто не самонадеян в 20 лет?

Сегодня я отправился на пробы Натали. Она снималась для какой-то рекламы духов и мне стало интересно.

Натали безумно красивая девушка. И объектив ее любит. Я с интересом наблюдал за процессом съемок. Никогда не был по ту сторону.

Не знаю, чего она комплексует постоянно. Красивая, одаренная, умная. А она вечно находит себе проблемы.

После съемок мы поехали домой. На днях я хотел вернуться в Россию. Не потому что я скучал, хотя, наверное, отчасти так оно и было. Я скучал. Хотя это чувство мне не свойственно. Я не патриот. И настоящей родиной для меня стала Франция. И тем не менее я скучаю по России.

Хотелось бы когда-нибудь взять с собой Натали. Показать ей дом, озеро, да вообще все. Только боюсь она не поедет.

Домой мы приехали почти в полном молчании. Она ведет себя отстраненно и убрала руку, стоило мне ее коснуться. Почему она холодна? Что снова происходит между нами?

Ей дается реабилитация тяжелее, чем мне. Она знает, что будет дальше. Знает, что не смотря на мое присутствие, не смотря ни на что, она знает, упадет.

Почему? Потому что тропа знакомая. Потому что по ней она уже ходила. Потому что справиться с этим в одиночку невозможно. Дело лишь во времени.

За ужином сидит, уставившись в одну точку. Пьер равно как и Сара нервничают, когда Натали требует налить себе вина.

– Хм. Пойдем может прогуляемся? – предлагаю я и не верю в её согласие.

Но она соглашается. Робко подает мне руку и на в тот момент, когда наши пальцы переплетаются между собой, мы оба чувствуем, не все потеряно. Не мы потеряшки.

Мы не спеша гуляем возле дома. Я срываю пару неизвестных цветов и дарю ей.

Натали хохочет. Оказывается, это какой-то редкий вид и трогать их категорически нельзя. Я не разбираюсь во всех этих тонкостях. Странно, но мой промах поднимает ей настроение. Девушка касается моей руки и от ее взгляда мое сердце делает сальто в грудной клетке.

Нестерпимо хочется прикоснуться к ней. Жажда прикосновения сильна настолько, что я сжимаю пальцы в кулаки до

онемения. И растерянно улыбаюсь.

Натали

Мир настолько огромен, а я в нем не могу найти себе места. Мне 20 лет и за это время я ничего не добилась. Кроме конечно его. Он безукоризненно ведет себя, курит часто и лишь мне одной известно почему. Мы оба до дрожи похожи. Я люблю его и боюсь, признаться. Боюсь нарушить хрупкое равновесие между нами. Во мне всегда мало смелости. Кроме убийства самой себя. Тут я лидер. И отчаянно я не хочу тянуть его за собой.

Я знаю, кончу плохо. Это аксиома моей жизни. И отчего только он видит во мне что-то хорошее?

Даже сейчас сидя с ним рядом и смотря телевизор в уютной домашней обстановке, я думаю о том, как неплохо бы смотрелась в моей руке бутылка чего-то не слабоалкогольного. Напиться и забыться. Нет. Вместо этого я улыбаюсь. Вечером на моих бедрах появятся пара новых шрамов. Но сейчас я улыбаюсь. Алекс потягивается и закидывает руку на спинку дивана. Еще мгновение и он меня обнимет. И мое сердце разорвется.

Я не помню точное количество мужчин в своей никчемной жизни. Не помню лиц, ни тем более имен. Да и к чему они? Теперь если мне суждено вернуться на ту скользкую и противную дорожку, я буду представлять лицо Алекса. Мы не говорили на эту тему.

Отчего-то кажется, он единственный якорь, удерживающий меня на плаву. Я часто пытаюсь вспомнить как я стала такой. Ведь с самого детства меня любили, лелеяли. Какой винтик во мне сломался? Что сделало меня такой? Зачем ему я?!

Сара присоединилась к нам, влетев в комнату ураганом. Нашему отцу не повезло с дочерьми. Одна спит с кем попало, другая предпочитает не связываться с мужчинами. Изначально я испытывала ревность, видя их с Алексом нежную дружбу, а теперь понимаю, уйду, Сара его не бросит, он заменит ей сестру. Ее странную чокнутую сестру.

Вот сейчас они хохочут над очередным комедийным сериалом. А я греюсь в их улыбках и смехе. Смешные.

Как я хочу впиться в его губы со всей тоской и отчаянием. Не позволять им дарить улыбки собственной сестре. Шла бы она к себе. И побыстрей.

Нет. Куда уж там. Парочка продолжает ржать как стадо коней на выгоне. Красноречивые взгляды остаются без ответа. Я ее сейчас ударю.

Наконец мне надоедает и я наглею, усаживаюсь к Алексу на колени, обвив руками шею.

Веду себя как ребенок, судя по укоризненному взгляду Сары. Плевать. Шла бы к себе! В конце концов!

– Сара, тебе не хочется пойти куда-нибудь?

– Это, например? – парирует Сара.

О, какая ты тупая!

– К черту! Иди к черту! Брысь!

Сара хохочет. Она издевается надо мной!

И самое зазорное, что Алекс вторит ей заразительным смехом, не забывая прижимать меня к себе. Жаль, нельзя провести на его коленях целую жизнь.

Вскакиваю и убегаю в свою комнату, крайне смущенная собственным поведением.

Засыпаю в слезах, давая волю истерике. Слышу его шаги возле своей двери и впиваюсь в подушку, борясь с желанием открыть дверь и затащить его в кровать, не давая возможности отдышаться и с желанием оттолкнуть его навсегда от себя. Пусть он уйдет! Пусть останется! Боже мой...

Наутро я не помню истерики, привычно крашусь после душа и спускаюсь вниз, как раз к завтраку.

Дома никого нет. Папа и Алекс уехали на работу, Сара как очевидно умчалась на учебу.

Я одна. Выпив чашку кофе, думаю, чем заняться.

Особо ничем заниматься не охота. Бреду в комнату Алекса. Идеально заправленная постель. Открываю шкаф. Почему-то мне думается, Алекс воспитывался в детском доме. Его комната безлика. Нет ни одной детали, за что можно зацепить взгляд, к чему придраться. У него нет личных вещей? Блокнот, записная книжка? Моя комната напоминала свинарник. Сброшенные колготки на спинке стула, недопитый чай на столе... А здесь пустота. Пустота и безликость.

Здесь нет моего Алекса. Я уйду из комнаты, плотно за-

крыв за собой дверь. И при этом натыкаюсь на него самого.

Алекс

К ее странному поведению легко привыкнуть. Я вел себя не лучше, разве что тактичнее.

– О, ты вернулся? – мило прощebetала Натали, старательно отводя взгляд.

– Да, привет. Заскочил пригласить тебя вечером на ужин. Твой папа ужинает с партнерами и хочет взять нас с собой. Пойдем?

Я ожидаю отказа. А она неожиданно соглашается.

– До вечера? Ужин в семь. Я буду дома часов в пять. Хорошо?

Девушка снова пожимает плечами и кивает. Я внимательно изучаю ее лицо и не нахожу признаков насмешки. Что ж.

Ровно в семь на мне привычная рубашка и брюки. И Натали спускается по лестнице и у всех присутствующих буквально отвисает челюсть, в том числе и у меня. Девушка ослепительно красива. Невозможно. До боли в легких.

Протягивает свою изящную ладошку и наши руки привычно сплетаются между собой. За весь вечер мы и слова не сказали друг другу. Я стараюсь поддержать разговор за столом, потому что это важный ужин в моей карьере. Пьер одобрительно кивает при моих ответах. Натали неторопливо пьет воду, а потом просит разрешения выйти из-за стола.

Не выдержала, пошла курить. Ей скучно при деловых раз-

говорах. В этом вся Натали. Она не станет делать что-то против воли. Даже для поддержки. Не стал искать ее. Когда ужин закончился, девушка уже давно уехала домой, я вернулся домой в гордом одиночестве.

Сам курю сигарету за сигаретой и долго не могу войти в дом. Смотрю на свет в ее окне и размышляю о жизни. Когда я успел завязнуть во всем этом? В отношениях, которых не хотел? Среди людей, мне незнакомых? Не проще вернуться домой? Сдаться? Ведь я всегда могу вернуться. Меня там ждут. Я знаю. А что ждет здесь?

Выпускаю дым колечками.

– Ты чего тут? Пойдем, мне нужна твоя помощь, – девушка моей мечты бесцеремонно врывается в мысли и зовет за собой. Тушу окурок и иду за ней.

Интересно, каково черта ей надо?

– И чем тебе помочь? – спрашиваю я, заходя за ней в комнату. Натали останавливается и поворачивается ко мне.

– Завяжи мне руки.

– И для чего?

– Я хочу помочь тебе раздеться. Не руками. Так что?

Я молча снимаю галстук и обвязываю протянутые запястья девушки. Игра хороша, только я не хочу играть по ее правилам. Не хочу, чтобы она мешала мне. Почему она так боится нежности? Брать нахрапом все, что хочешь? Нет.

Я сам отдам, стоит тебе попросить. Но принуждать, никогда.

Стараюсь как можно нежнее и мягче прикасаться к ней губами, ловко подхватывая лямку платья и стаскивая ее вниз. Затруднение вызвали колготки. Слишком плотно сидящие на ее талии. Натали хихикала от смущения, стоило попробовать поддеть резинку.

– Будь на тебе чулки, было бы легче, – прошептал я.

– Доверился бы мне, это не было бы проблемой. Но тебе же хочется играть по своим правилам. Разве нет?

– Ага, – бурчу я и оставив колготки в покое, укладываю Натали на кровать, накрываю ее одеялом и целую в лоб:

– Спокойной ночи, детка. Я выиграл.

Натали

Бешенству нет предела. И я понимаю, насколько глубоко влипла. Я впервые влюбилась и не могла получить желаемое. Алекс холоден и внешне спокоен. Противно вежлив.

Наутро он ничем не выдает себя, только в глазах мелькает еле сдерживаемое веселье. Он прячет улыбку за чашкой неизменного кофе. Я недолго дуюсь. Ночь предоставила много времени для размышления. Да и разве можно долго злиться на любимое Чудовище?

Я провожаю парня на работу, не забыв крепко поцеловать в щеку на прощание. Он снова не улыбается мне, лишь в синих глазах словно планктон фосфоресцирует озорство. Нас обоих забавляет новая игра.

Интересно, как быстро она нам надоест?

Звонят прежние знакомые, сманивая меня в порочный и привычный мир. И я... Я сдерживаю себя. Впервые ради Будущего. Ради Алекса. Не хочу падать снова. Лучше я останусь с ним. Он отныне мой якорь.

Воодушевленная краткой победой, еду с Сарой по магазинам. Сестра ошарашена предложению и все же соглашается. Через полчаса мне надоедает ходить по бесконечным магазинам, и я буквально падаю в кресло, вытянув ноги.

Сара идет в атаку. И я не виню ее за это. Когда еще ей представиться шанс? Может быть никогда.

– У вас с ним все серьезно?

– А что? Тебе то какое дело?

– Он нам нравится. Ты знаешь папу. Он кабы-кого не станет принимать. А Алекс слишком хороший.

Я понимаю, куда она клонит и внезапно злюсь:

– Что я недостаточно хороша для него?

– Ты камень на его груди. И ты знаешь об этом не хуже меня. Его ждет наша же участь с отцом.

– Ты слишком сентиментальна. С чего ты взяла, будто нам с ним будет плохо? С друг другом?

– По собственному опыту. С тобой всегда так. Чересчур хорошо, а потом ты поступаешь как хочешь. Мы не хотим его терять.

– Не зная тебя, я бы подумала, что ты влюбилась в него.

– А ты и не знаешь, Натали. Вот и все. Ладно, поехали домой. Я устала.

Она права. И обратную дорогу домой я думала об этом, о ее словах. Надо исправляться. Хватит ломать всем жизнь.

К ужину я нацепила купленное платье. Туфли на каблуке, которые не носила давненько. Папа вопросительно вскинул руки, но получив от Сары предупреждающий взгляд, успокоился.

Разговор за столом не клеился. Алекс увлечённо переписывался с кем-то в телефоне, а Сара напряженно следила за нами. Папа читал неизменную газету. Обидно, Алекс никак не прокомментировал мой внешний вид, вскользь пробежал

взглядом и нигде не задержался. Что ж.

Мне надоедает и встаю со стула. Громко и шумно. Алекс бросает на меня быстрый взгляд и принимает невозмутимый вид. Я подхожу к нему сзади и почти нежно кладу руки ему на плечи.

– Не хочешь прогуляться со мной? – это не приглашение, пусть и произнесенное ласково.

– Доесть могу? – спрашивает Алекс.

– Конечно. Я пошла за курткой.

Он может и сопротивляется немного. И в итоге сделает, как я хочу.

Так и оказывается в итоге. Когда я выхожу на улицу, Алекс уже курит возле крыльца. На улице холодновато, пахнет осенью. Мы прогуливаемся по улице, каждый думает о чем-то своем.

Мы даже не держимся за руки, по себе это не очень хороший знак. Я не выдерживаю первой и спрашиваю:

– Ты в тягость гулять со мной?

Алекс вздрагивает, словно и забыл о моем присутствии. Он смотрит на меня и в мыслях очевидно совсем далеко.

– Натали, мне надо вернуться домой.

– Как это домой? Зачем? Разве не здесь твой дом?

– Да, но я там нужнее. Правда. Натали, ты отпустишь меня домой на пару дней? Может на две недели максимум.

– Зачем? – вновь повторяю я.

– Ей, – он судорожно сглатывает, – Моей сестре плохо. Я

должен ей помочь.

Он не смотрит на меня. Избегает встречаться глазами. Я начинаю злиться и тут же остываю. Мы есть друг у друга, не для того, чтобы причинять боль. Поэтому шагаю к нему и обхватываю руками, прячу лицо на широкой груди и слушая стук сердца замираю. Не знаю на что я надеюсь и чего жду. Но кажется, наше совместное прошлое дает о себе знать. Он прижимает меня к себе до боли в ребрах.

– Я не хочу, чтобы ты думала, будто я сдался или что-то в этом роде.

– Я никогда так не подумаю о тебе. Мне хочется быть с тобой, Алекс. Всегда.

– Я всегда рядом с тобой.

– А как на счет физического контакта? Я уже готова к следующей стадии наших отношений.

– Мне нечего предложить тебе. Навряд ли пальцы и язык тебя удовлетворят, – грубовато шепчет Алекс. Он смотрит на меня, ожидая справедливой реакции. Проблема во мне. Я не реагирую на многое как нужно. Румянец покрывает мои щеки. У меня нет подобного опыта и сейчас я впервые краснею.

– Извини меня, я не то совсем хотел сказать, – торопливо шепчет парень, – Эти таблетки и это все. Я не могу. Но не потому что не хочу. Я хочу.

– Я понимаю. Раз надо, ты едь. Но у меня одно условие.

– Какое? Не возвращаться?

– Нет, глупый. Я еду с тобой.

Алекс

Я честно пытался отговорить ее от этой безумной идеи. И прекрасно понимаю, она не уступит. Не потому что безумно хочет быть со мной. А потому что я уже не могу без нее.

Забавно, эмоциональная связь держит нас крепче любой другой. Мы как два беглеца, висим на краю пропасти и не падаем благодаря нашей странной и нерушимой привязанности. Есть от на свете более странная пара?

Итак, я возвращаюсь домой. И не один.

Родные Натали охотно отпустили нас. Пьер просил дочь заботиться обо мне, чем несказанно удивил нас обоих. Видимо, я совсем не тянул на уверенного в себе взрослого парня, а больше напоминал пятилетнего малыша.

Ночь перед поездкой оказалась короткой для важных разговоров. Знаю, рискую. Если сейчас она молча уйдет от меня... Я готов.

Натали удивляет меня. Она слушает внимательно, не перебивая. Её глаза наполняются слезами и когда слезы оставляют дорожки на её щеках, нежно стираю их.

– Скажи что-нибудь, – прошу я.

– Я хочу придушить её собственными руками. Не обещаю, что сдержусь. Тебе было всего 17!

– Мне нет оправдания.

– Брось. Надо забыть, перелистнуть страницу и жить даль-

ше. Если ты думаешь, меня это напугает, так я не из пугливых.

Против воли улыбка ползет на мои губы.

– Я серьезно, Алекс. Не думай об этом больше. Пожалуйста.

Мы еще немного времени сидим молча, слушая сердцебиение друг друга. Потом Натали уходит к себе, отчаянно зевая. И ей на смену приходит Сара.

С ней у нас всегда странные отношения. В тени младшей сестры и наших отношений, Сара – бледная тень. Она не испытывает робости передо мной, запросто обвивает мою шею руками и спрашивает:

– А ты не думаешь, что поменял одних демонов на других?

Мне нечего на это сказать. Боюсь, она окажется права. Я порой думал точно также. Порой мне казалось, именно Сара показывала нам прикрытую правду. Мы могли сколько угодно врать, изворачиваться, не признаваться. В Саре отражались наши поступки такими, какими они были на самом деле. Натали ненавидела её по этой же причине, по которой я обожал.

– Жаль, ты не едешь с нами. Со мной.

Зачем я это сказал? Видимо, девушка подумала о том же самом, поскольку улыбнулась, прижавшись ко мне крепче:

– Вы русские непостижимые люди. А ты Алекс самый из них. Ты выбираешь новую боль, вместо лечения старой.

- Наめкаешь на мой скрытый мазохизм? – шучу я, на самом деле не понимая её слов.
- Нет. Возможно. Ты неразборчив, наш дорогой Алекс.
- Сара, я знаю, вы с сестрой не ладите и ты беспокоишься за неё, но поверь...
- Разве я сказала, что беспокоюсь за неё? – перебивает меня девушка.
- Я не понимаю, – сдаюсь я.
- Года через три ты поймешь, о чем я говорила. И тогда дай мне знать, каким болваном ты окажешься, дорогой.
- Ты самая чудковатая из всех людей, знаешь это?
- Не удивил. Мне уже об этом говорили. Удачной поездки.
- Сара смотрит на меня, словно хочет добавить что-то. И ничего не говорит. Улыбаясь, уходит.

Дорога домой не утомила. Натали проспала весь перелет на моем плече. А в аэропорту нас ждал Юра Смирнов, друг семьи. У него и у Димы один бизнес на двоих, да и Ника дружила с его женой Ольгой. Сложно назвать это дружбой, Ника в принципе не умела общаться с кем-то своего пола. Даже собственной дочери часто не удавалось найти общий язык с матерью, чего тут говорить о другом человеке. Юра радостно устремился мне навстречу. Я представил ему Натали и он смущенно заулыбался.

Натали плохо понимала по-русски, чему я радовался. По крайней мере Ника будет говорить гадости, непонятные для

нее.

Дорога заняла добрых три часа и вот наконец мы дома.

Ника бросилась ко мне на шею и на секунду я прижал ее к себе. Как брат. Исключительно. Она дернулась, напряженно всматриваясь в мое лицо, пытаюсь найти свою потерянную корону. И лишь потом перевела взгляд на Натали, смотрящую на нее коброй. Нику этим не смутить. Только не ее. Правда, сейчас она выглядела как обманутая женщина.

– Вот как оказывается ты скучал по дому, – протянула Ника, сурово смотря на меня. Присутствие Натали она полностью игнорировала.

– Ника, дорогая сестра, хочу представить тебе Натали, мою будущую жену.

Ударил бы я ее, эффект был такой же. Ника побелела, а затем покраснела. Я не надеялся на проявление чувств, но разразилась гроза. Ника словно поперхнулась и принялась громко кричать:

– Как ты мог? ! Я болею, мне нужна операция, а ты являешься сюда с этой девкой! Сыграешь свадьбу на моей могиле?

Я пожал плечами, понимай как хочешь. Дима сочувственно похлопал меня по плечу, стремясь перевести тему в более безопасное русло. Я назвал Натали своей будущей женой и я действительно захотел этого. Она не понимала по-русски и значит, мои слова для нее пустой звук. А для меня это при-

знание дорого стоит.

Ника фыркнула и повернулась на каблуках, скрылась в глубине дома. Сестра выглядела хреново. Она возможно хотела поговорить со мной отдельно и от этого разговора не уйти.

Я обернулся к Натали и подхватив наши сумки, повел ее за собой наверх. Девушка напряженно молчала, рассматривая обстановку. Надо отдать должное Нике, ее вкус безупречен. Именно ему дом похож на картинку из журнала. Да, он более подходит для съемок, чем для жизни. Слишком чопорный. Слишком безликий.

На втором этаже громко играла музыка, пока не стал заходить к племянникам, еще будет время.

Распахнул дверь перед Натали в свою комнату. Спартанская обстановка, ничего примечательного.

Девушка прошла в комнату и с тоской огляделась по сторонам.

– И ты тут жил?

– Ага. Надеюсь, ты не против спать в одной постели, если да, то найдем тебе другую комнату.

– Я как-нибудь переживу соседство с тобой, – с улыбкой произнесла Натали.

– Алекс! – воскликнул старший племянник Руслан, ворвавшись в комнату и повиснув на мне. Следом за ним комнату наполнила толпа его друзей. Признаться честно, Руслана я люблю больше всех. Мила всегда сторонилась нас, она

же принцесса, а мы несносные мальчишки. Несмотря на разницу в возрасте, иногда казалось ее не существует в принципе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.